

ЛЮБОВЬ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА
(1930 - 1933)

ИЮЛЬ 1933, МЮНХЕН

Когда архитектор впервые встретился с фюрером, тот сидел за столом и сосредоточенно чистил пистолет. Адольф Гитлер — фюрер, вождь — отодвигает детали оружия и велит Альберту Шпееру — архитектору, художнику — разложить на освободившемся месте свои эскизы. Шпеер принес фюреру проект оформления для съезда национал-социалистической партии, первого после прихода к власти. Съезд должен состояться в августе в Нюрнберге. Проект предусматривает все необходимое для впечатляющей постановки: эстраду, освещение, трибуны. У архитектора это первый по-настоящему значимый заказ. Ранее он успел переоборудовать несколько партийных зданий и оформить интерьер квартиры министра образования и пропаганды Йозефа Геббельса. Успех укрепил его репутацию, что и позволило ему сегодня возглавить этот очень

важный проект. Однако никто не был готов дать ему окончательное согласие на начало работ. Все тянули время и в конце концов отправили архитектора в Мюнхен, где вождь проводил лето. Только он может решить судьбу дизайнерского замысла.

Вождь ни разу не поднял на посетителя глаз. Но чертежи он рассматривает тщательно. После чего, все так же не поднимая глаз, бесцветным голосом, лишенным какой-либо эмоциональной окраски, произносит: “Согласен”.

Встреча завершена, архитектора без единого слова выпроваживают. Все и так понятно, потому что вождь возвращается к чистке, смазке и продувке ствола, магазина, курка, ударника, рукоятки пистолета неизвестного архитектору типа.

2

Эта сцена, прелюдия к их отношениям, взята у биографов Шпеера, которые, в свою очередь, позаимствовали ее из текста самого действующего лица.

Некоторые романы играют со временем; флешбеки и забегание вперед — это часть их инструментария, и пора уже прямо сейчас сделать подобный ход и нарушить комфорт линейного рассказа.

Альберт Шпеер пережил войну; в некотором смысле он пережил собственную историю, в разные моменты которой вполне мог погибнуть. Он все описал в своей книге “Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности. 1930–1945”, увидевшей свет в 1969 году и ставшей бестселлером. Благодаря этим “Воспоминаниям” он вернул себе определенную респектабельность, относительное финансовое благополучие, а в общественном мнении — уникальный и сбивающий с толку имидж. Из всех бывших нацистских руко-

водителей, открыто признавших свое прошлое, он был единственным, кому это удалось. Едва появившись в книжных магазинах, “Воспоминания” вышли за рамки жанра, превратившись в нечто особенное. Младшие чины СС и главари военного и политического руководства режима тоже публиковали свои мемуары, но по сравнению с книгой Шпеера их успех выглядел смехотворным, а специалистам не составило труда понять, что впечатление, которое они старались произвести на читателя, имело мало общего с реальностью.

В случае Альберта Шпеера все по-другому. Его версия самого себя вышла на первый план, отеснив трактовки, предложенные историками и исследователями. В результате его биографии, написанные разными авторами, слишком часто оказываются парадоксальным образом адаптациями его собственных “Воспоминаний”. И это не плагиат. Строки исходного текста выстраиваются в линию фронта, историки сражаются с ним, предъявляя документы, изобличая ложь и замалчивания, но одной правды недостаточно и в конце концов победителем из битвы выходит Шпеер.

Похоже, что в сфере мемуаристики он развязал неслыханную доселе войну, успешно вести которую не мог никто, кроме него, вследствие его эксклюзивных отношений с Гитлером и компетентности в области искусства и военного производства. Мало кому удавалось проявить таланты и прославиться в обеих этих отраслях одновременно. Он был мастером создания как декора, так и оружия и выбрал

для себя роль главного свидетеля, зрителя и в то же время действующего лица, выдвинув на первый план Адольфа Гитлера и его присных и отодвинув на задний план уничтожение евреев в Европе, превратив его в фон. Да, все те устрашающие практики, которые нам сегодня известны и о которых он якобы узнал только после 1945 года, у него действительно проходят своего рода фоном, создавая бесспорно нездоровое драматическое напряжение.

Сцена встречи с Гитлером была описана в конце 1960-х и относится к событию, произошедшему в 1933 году; основанная на простых и убедительных утверждениях, с малым количеством подробностей, она тем не менее поражает воображение и приобретает решающее значение, как удачный ход в шахматной партии.

Двое мужчин в комнате, револьвер, эскизы.

По одну сторону стола власть, по другую — искусство.

По одну сторону человек, обладающий властью, перед которым лежит оружие, по другую — человек искусства с листами ватмана под мышкой. Типичный тандем европейской культуры. Это могли бы быть папа Юлий II и Микеланджело. Но это Адольф Гитлер и Альберт Шпеер.

И связь между этими двумя персонажами началась с определения расклада сил.

3

Есть нечто неправдоподобное в этой первой профессиональной встрече, предметом которой был — ни больше ни меньше — главный политический съезд нового режима. Нечто карикатурное, но полностью соответствующее атмосфере, возникшей после Первой мировой войны и наглядно демонстрирующей фюрера, уже приступившего к активному *первооружению*.

Адольф Гитлер придавал огромное значение визуальной и звуковой символике национал-социалистической идеологии. Он выбрал эмблемой своего движения свастику — универсальный и вполне миролюбивый символ, чей смысл он преступно искажил, сделав его синонимом бойни и расовой ненависти. Эти отрицательные коннотации не исчезли и по сей день, хотя свастика по-прежнему присутствует в культуре многих народов, в особенности в Индии и Юго-Восточной Азии.

В 1933 году оформление знаков и символов

нового режима еще не приняло устойчивых форм, удовлетворяющих вождя. Гитлер ищет того, кто смог бы решить эту задачу.

Сегодня невозможно понять, чем в 1920-х и 1930-х годах Адольф Гитлер притягивал толпы своих сограждан и даже иностранцев. Все его биографы пасуют перед этой загадкой. Гитлеровский магнетизм невозможно объяснить социальными факторами вроде экономического кризиса или антисемитского контекста эпохи — слишком велик размах совершенных этим персонажем преступлений. Да и сам Гитлер необъясним с экзистенциальной точки зрения. Ни жестокий отец, ни полная разочарований юность и уж тем более ни так называемые разоблачения его сексуальности или анатомических особенностей не позволяют напрямую связать его с газовыми камерами. Истребление евреев в Европе раскололо историю надвое. Исчезло взаимодействие между тем, что было до, и тем, что стало после. Похоже, что Альберт Шпеер понял это быстрее других или, по крайней мере, раньше остальных сумел осознать этот разрыв и использовать его к собственной выгоде.

После войны миллионы немецких детей требовали ответа от родителей, превозносивших Гитлера как своего фюрера, и, когда дочь Шпеера задаст ему в письме прямой вопрос, он ответит, что “чудовищность преступления делает бессмысленной любую попытку оправдаться”.

Таким образом, ни личные амбиции Шпеера, ни строгость его отца, да и вообще ничто не может

полностью объяснить отношения, которые установились между ним и его вождем.

Но что известно наверняка, так это то, что в тот день он встретил человека, самого фотографируемого в Германии и одного из самых фотографируемых в мире. После 1918 года популярность стала одной из основных социальных ценностей. В 1933 году вождь, как и Ганди, — самый медийный политический персонаж планеты. Если не считать нескольких писателей и кинематографистов, которые находились в изгнании и не воспринимались всерьез, только Уинстон Черчилль сумел в статье 1934 года предугадать последствия расовой одержимости Гитлера, отразившейся в законодательстве и политике такой передовой страны, как Германия. Для многих антисемитизм фюрера ничем не отличался от их собственного или же представлял собой печальную причуду человека, который всего лишь хотел восстановить свою страну. Коммунисты недооценивали его и высмеивали, Гертруда Стайн, американская писательница, еврейка и лесбиянка, предлагала присудить ему Нобелевскую премию мира, а Чарли Чаплин считал его гениальным актером. Суперселебрити.

В качестве приветственного подарка вождь вручил молодому архитектору букет противоречивых эмоций.

Гость покидает кабинет счастливым, озадаченным, разочарованным безразличием вождя, недо-

умевающим, гордым тем, что его эскизы были одобрены, и огорченным из-за того, что личный контакт не установлен. Он не в состоянии разобратся со своими впечатлениями, а такого с ним никогда не случалось. Все они — как приятные, так и неприятные — невероятно сильны и необычны. Музыка его времени экспериментирует с атональностью, то есть с отсутствием гармонической тональности, иерархии внутри гаммы. У слушателей, воспитанных на многих веках гармонической композиции, новые веяния вызывают чувство дискомфорта, дестабилизации слуха, неблагозвучия, но заодно провоцируют неодолимое влечение и звуковое опьянение. Нечто подобное происходит во время выступлений вождя. Это опыт выхода за рамки морали, в ходе которого невозможно контролировать свои эмоции. Ярость, страх, любовь к своим и ненависть к чужим смешаны в совокупность примитивных архетипов, значимых для любого сообщества, ощущающего себя в опасности.

Фюрер — фигура атональная, а заодно и экспрессионистская; персонаж, сошедший с полотен и вышедший из партитур своего времени, хотя он ненавидит экспрессионизм и атональную музыку и преследует художников, музыкантов и поэтов, развивающих эти направления. Он персонаж в полном смысле этого слова, поскольку выработал неотразимый аудиовизуальный стиль, в котором сочетание грубости высказываний, фальши, многословности, манеры поведения заставляет оценивать его как одновременно смешного, умного, вульгарного,

современного; мечтателя, провидца, пацифиста; успокаивающего, будоражащего и т. д. В своих выступлениях он бесконечно касается ограниченного числа одних и тех же тем, навязчиво провоцируя целый комплекс чувств и экстремальных, внутренне противоречивых суждений.

И вот этот вождь протягивает архитектору руку, самую желанную для любого художника — руку заказчика, мецената и защитника. При этом хозяин кабинета бесстрастно и сосредоточенно всматривается в детали разобранного револьвера.